

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХХІІ.

1892.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	25
В. М. Владиславлевъ. Обза	223
А. И. Кириичниковъ. Любопытная лицевая рукопись Парижской Национальной бібліотеки	242
М. С. Куторга. Исслѣдованія по исторіи государственныхъ учре- жденій Авенъ (продолженіе)	258
Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ .	298

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Г. С. Дестунисъ. 'Αναλѣκτα Γερουσιαστικῆς σταυρολογίας. Α. Παπαβο- πούλου-Κερραμίως. Τ. Α'. 'Εν Πετροπόλει. 1891	385
— Книжныя новости	401
А. Д. Вейсманъ. Амосъ Коменскій и его дидактика.	33

СОВРЕМЕННАЯ ЛЭТОНІЯ.

И. А. Аноповъ. По вопросу объ открытіи промышленныхъ училищъ .	77
— А. А. Фодотовъ-Чеховскій (некрологъ)	140

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ө. Ф. Зѣлинскій. Замѣтки къ трагедіямъ Софокла и къ охолоіямъ на нихъ (окончаніе)	49
И. И. Холоднякъ. Къ Elogium Messoris C.I.L. VIII 11824 .	63
В. В. Латышевъ. Замѣтки по древней географіи сѣвернаго и восточ- наго побережья Чернаго моря.	65
В. В. Майковъ. Четыре эпиккія Пиндара въ честь Герона Опра- кусскаго и Этнейскаго.	69

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го августа).

О Б Ж А.

(Очеркъ изъ податной исторіи Новгородѣ).

Въ первую пору существованія земледѣльческаго государства обложеніе податью большею частію падаетъ не на землю, а на орудія, ее обрабатывающія, и на количество скота, участвующаго въ работѣ. Остальные элементы работы прямо зависятъ отъ этихъ главныхъ данныхъ. Плугъ при одной лошади вспашетъ одну единицу земли, при двухъ—болѣе, при трехъ—еще болѣе; между тѣмъ, разъ имѣется только одинъ плугъ, не больше, мало тѣмъ поможетъ увеличеніе при немъ количества рабочихъ рукъ, ибо совершенно достаточно пары ихъ, чтобы руководить и животнымъ и плугомъ. Вотъ, можетъ быть, почему въ древнѣйшемъ опредѣленіи новгородская соха, какъ платежная единица, характеризуется только количествомъ животныхъ¹⁾, а въ еще большей древности племена земледѣльческіи облагались съ орудія,—все равно, платили ли дань завоевателю, или подать государю. Вятичи платили, какъ сообщаетъ Кенигсбергская лѣтопись, „по шелягу съ рала“ сначала хозарамъ, а потомъ, съ 964 года,—Святославу²⁾. Около 981 года Владиміръ продолжалъ сби-

¹⁾ А. Э. I, 32.

²⁾ Замѣтимъ опредѣленную связь этого шеляга съ раломъ или плугомъ. Шелягъ, по мнѣнію иныхъ, происходитъ отъ нѣмецкаго *schlagen*, означая чеканную монету; по мнѣнію же другихъ (напримѣръ, профессора Сергѣевича), — отъ *shilling*. Второе сближеніе звуковыхъ данныхъ гораздо правдоподобнѣе. Судя по иностранному происхожденію слова, оно занесено къ намъ, вѣроятно, варягами, норманнами. Между тѣмъ, кажется, что въ то время *shilling* еще не выходитъ изъ роли земельной цѣнности въ опредѣленную денежную. Въ Англіи того времени *suling*, *suolinda*, фигурировалъ еще въ качествѣ пространства, обрабатываемаго полнымъ *плугомъ* (см. П. Г. Виноградова „Исслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“. С.-Пб. 1887 г., стр. 124—125). Отсюда невольно напрашивается заключеніе, что шелягомъ была дань, которую варяги требовали съ плуга (можетъ быть, даже натурой), то-есть, что шелягъ = *ноплужная дань*.

рать у вятичей съ плуга ¹⁾). Эта дань съ плуга продолжала собираться при переводѣ на сохи великими князьями, напримѣръ, въ 1408 году ²⁾ по рублю съ двухъ сохъ ³⁾).

При татарахъ подать съ орудій, повидимому, была замѣняема иною, ибо татары, не вникая въ земледѣльческій по преимуществу характеръ русскаго хозяйства, требовали единственный понятный имъ, какъ степнякамъ-скотоводамъ, поголовный налогъ, выражая его въ подушной и поимущественной десятинѣ. „Татарове — говорятъ лѣтописецъ—... послаша... ко княземъ Рязаньскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ: во князехъ и въ людехъ, и въ конѣхъ“ ⁴⁾). Изъ за татаръ пришлось соху переводить на новый, „подушный“ языкъ. По свидѣтельству Татищева, въ 1265 году великій князь Василій Ярославичъ привезъ дань хану по полугривнѣ съ сохи или съ двухъ работниковъ ⁵⁾). Но въ мѣстностяхъ, отъ Золотой Орды удаленныхъ, по орудійный налогъ, никѣмъ не измѣняемый, получилъ большое развитіе. Вотъ что говоритъ знаменитая грамота новгородцевъ на новоторжскій черный боръ, данная великому князю Василию Темному ⁶⁾): „На вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ, се дахомъ черный боръ на сей годъ великому князю Василию Васильевичу всея Руси, а послалъ князь велики на черный боръ Семена Яковлича въ Торжокъ: а брати князя великаго черноторцемъ на Новоторжскихъ волостѣхъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ, по новой, а писцу князю мортка съ сохи; а въ соху два коня да третье припряжь, да тшанъ кожанической за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшци за соху, ладья за двѣ сохи, прѣнь за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьѣ на томъ взяти за полсохи“.

¹⁾ Около 885 года Олегъ перевелъ съ хозаръ на себя дань, которую платили радимичи, тоже по шлягу,—съ чего, не сказано, но можно думать—съ плуга.

²⁾ *Карамзинъ*, V, 196. См. также подробную таблицу налоговъ у *Ю. Гатемейстера*: „Разысканія о финансахъ древней Россіи“. С.-Пб. 1833.

³⁾ Если же дань шла не съ земельных орудій, то стало быть въ побѣжденномъ племени земледѣльческій элементъ не былъ господствующимъ, оно состояло, главнымъ образомъ, изъ звѣролововъ, рыболововъ, купцовъ, военнаго класса, которые облагались иначе. Напримѣръ, варяги въ 859 году собрали дань съ чуди, мери, кривичей и ильменскихъ славянъ „по бѣлѣ вѣверицѣ отъ мужа“ и т. д. (*Ю. Гатемейстеръ*, *ibidem*).

⁴⁾ Никон. лѣт. 1237 г.

⁵⁾ *Неволинъ*, Полное собран. сочин., т. VI, стр. 447, пр. 21 (О генер. межев. въ Россіи).

⁶⁾ А. Э. I, № 32.

Какъ видимъ, поорудійный налогъ, уступая мѣсто въ земледѣліи налогу на рабочій скотъ, распространился съ земельных орудій на всякія, какими поддерживается то или другое ремесло. Если у кого есть чанъ (тшанъ = дъчанъ) кожевнической, тотъ платитъ какъ бы у него была соха; црѣнь (черень, черенокъ), большой котель для рѣдкой въ то время варки соли, платилъ вдвое болѣе сохи; рыболовный промыселъ дѣлится на два разряда, оба опредѣляемыхъ орудіемъ: неводъ, вѣроятно, имѣвшій значеніе бредня¹⁾, уверстанъ наравнѣ съ сохой, а ладья — съ двумя сохами. Какъ видимъ, и промыслы и торговля облагались по орудіямъ операций. Только въ двухъ случаяхъ окладчикъ имѣетъ въ виду не орудія, а субъектовъ работы. Вмѣсто кузни отмѣченъ кузнецъ и затѣмъ какіе-то „пѣшци“ — можно думать, люди не имѣющіе опредѣленныхъ инструментовъ занятія, на примѣръ, разношники, передвигающіеся пѣшкомъ изъ мѣста въ мѣсто по ярмаркамъ, звѣроловы и птицеловы, быть можетъ, батраки не имѣющіе ни хозяйства своего, ни крова. Карамзинъ называетъ этихъ пѣшцевъ „земледѣльцами“²⁾. Намъ кажется это толкованіе протинворѣчащимъ квалификаціямъ сохи, даннымъ грамотою Василя Ярославича въ 1275 г. и лѣтописью подъ 1478 г.

Соха въ разсматриваемой грамотѣ играетъ роль основной единицы дохода, къ которой орудія всѣхъ остальныхъ промысловъ подгоняются сообразно степени ихъ доходности. Эта центральная роль вполне подобаешь орудію земельной обработки въ такомъ земледѣльческомъ государствѣ, какъ Россія. Кромѣ того, пока оцѣнка другихъ промысловъ еще производится по количеству орудій, земледѣльческой налогъ уже переходитъ къ другой статьѣ хозяйства, къ рабочему скоту, количествомъ котораго и обусловливаетъ платежность инструмента. Соха тутъ впервые явственно теряетъ свое реальное значеніе земельного орудія и становится податной функціей. Это важный поворотный моментъ, опредѣлившій своимъ характеромъ всю дальнѣйшую исторію измѣненій значенія какъ сохи, такъ и составляющей ея болѣе мелкое подраздѣленіе обжи.

Опредѣленіе данное сохѣ „двѣ лошади, а третья припряжь“ заставляетъ подозревать, что въ грамотѣ что-то не досказано, что соха характеризуется такимъ образомъ въ отличіе отъ какой-то неизвѣстной

¹⁾ Въ одной писцовой книгѣ описывается прудъ: „а съ неводомъ ходити негъ, потому что холодитъ“ (Писц. книги, изд. Географическаго общества, отд. II, стр. 394).

²⁾ Карамзинъ, Ист. Госуд. Россійск., IX, пр. 816.

единицы, присутствіе которой однако ясно чувствуется. Въ грамотѣ нѣтъ отвѣта на вопросъ: если соха—три лошади, то что такое—одна или двѣ лошади, вообще, меньшее количество ихъ? Сравнимъ данныя грамоты съ разказомъ Никоновской лѣтописи подъ 1478 г. о походѣ Ивана III на Новгородъ. Великій князь, желая обложить новгородцевъ данью, спросилъ: что такое у нихъ соха?—„И они сказали: 3 обжи соха, а обжа одинъ человекъ на одной лошади ореть; а кто на трехъ лошадахъ самъ-третей ореть ино то соха“. По этому новому опредѣленію, соха предполагаетъ собою наличность въ хозяйствѣ трехъ лошадей и двухъ работниковъ, помимо самого хозяина; хозяйство съ одной лошадыю при одномъ человекѣ составляетъ обжу. Вотъ отвѣтъ на оставленный грамотой безъ поясненія вопросъ. Хотя опредѣленіе лѣтописи впервые упоминаетъ объ обжѣ и вообще отличается нѣкоторой новизной, но видно, что оно представляетъ изъ себя не видоизмѣненное, а лишь болѣе развитое и дополненное опредѣленіе грамоты. Кромѣ цифры „три“, общей для обоихъ опредѣленій, о томъ же говорить слѣдующее соображеніе. Въ концѣ грамоты при обозначеніи, чего можетъ требовать себѣ великій князь въ Новоторжскихъ областяхъ, указано, между прочимъ, что съ 10 сохъ полагается намѣстнику князя брать 30 хлѣбцовъ въ годъ. Какъ видно изъ многихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ „Актахъ Археографической Экспедиціи“, одинъ хлѣбецъ полагается намѣстнику въ кормъ всегда съ какой-нибудь мельчайшей хозяйственной единицы: двора, московской сохи и т. под. ¹⁾). Если это наблюденіе приложить къ опредѣленію корма Новоторжской грамотой, то найдемъ, что за нормой „съ сохи по три хлѣбца“ должна скрываться простѣйшая норма „съ обжи по хлѣбцу“.

¹⁾ Особенно много примѣровъ этого въ первомъ томѣ А. А. Э. Намѣстничъ кормъ до того тѣсно связанъ съ обжею, что слово „кормъ“ стало даже означать собою высшую единицу обежнаго счета. Въ переписной по Вотьской патинѣ 1500 года, кормъ составляетъ совокупность двадцати пяти обожъ. Попадаются выраженія вроде „полтора корму и полчетверты обжи“ (*Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн.*, XI, стр. 9—10), что означаетъ сумму $37\frac{1}{2}$ и $8\frac{1}{2} = 41$ обжу. — Замѣтимъ, что московская соха равняется по сохѣ новгородской, а обжѣ. Это видно изъ того же разказа Никоновской лѣтописи, часть котораго уже цитирована выше. Великій князь, по словамъ лѣтописца, сначала было думалъ обложить каждую соху новгородцевъ полгургивной; но узнавъ, что у нихъ соха—три лошади и три человекъ, и что формула „одинъ человекъ на одной лошади ореть“ относится къ обжѣ, перемѣнилъ намѣреніе и обложилъ полгургивной обжу. Отсюда ясно, что ей соответствуетъ московская соха. Василій Ярославичъ Костромской въ 1275 году пользовался не московскимъ, а новгородскимъ значеніемъ сохи.

Это соображеніе наводитъ на мысль, что обжа, будучи оставлена грамотою безъ упоминанія, фактически существовала и въ то время. Мы не можемъ ожидать отъ памятниковъ XV вѣка точныхъ выраженій, исчерпывающихъ все содержаніе понятій. Весьма естественно, что, прежде чѣмъ добраться до полной формулы 1478 года, опредѣленіе отмѣчало подѣ влияніемъ разныхъ обстоятельствъ то одну, то другую сторону понятія.

Какъ бы то ни было, въ XV вѣкѣ обжа оказывается единицею не земельной, какою мы привыкли ее считать, а инвентарной. Инвентарный, а не земельный характеръ ея подчеркивается тѣмъ, что въ новгородскихъ переписныхъ книгахъ начала XVI вѣка рыболовы и ремесленники всякаго рода, вообще люди, не соприкасающіеся въ своихъ занятіяхъ съ орудіями земельной обработки, отмѣчаются любопытнымъ терминомъ „поземщики“. Въ одномъ мѣстѣ переписной книги по Вотьской пятинѣ 1500 года ¹⁾ „поземщиками“ оказываются: иконникъ, овчинникъ и плотникъ. Подать, платимая тѣми, кто пользуется землей не для пахоты, называется „поземомъ“. Такимъ образомъ, критеріемъ обложения землепашцевъ было количество животныхъ и работниковъ, то-есть, словомъ, живая рабочая сила, но не земля. По изслѣдованію профессора Виноградова, въ Англии гайда или каруката, мѣра полного плуга, чаще всего нормировалась работой восьми воловъ, виргата—двухъ, а бовата или oxgang — одного ²⁾. Такая зависимость податной способности отъ количества наличнаго скота вполне понятна, такъ какъ и въ наше время изобрѣтенія всякихъ механическихъ приспособленій и замѣнитъ земледѣлецъ шагу не можетъ ступить безъ лошади или вола.

Количественное отношеніе обжи и сохи обыкновенно равнялось 1 : 3; но есть косвенное указаніе, что это отношеніе нельзя считать неизмѣнно всюду господствовавшимъ. Никоновская лѣтопись, перечисляя, сколько хозяйственныхъ единицъ отобралъ великій князь у новгородскихъ монастырей, не подводитъ обожъ и сохъ подѣ одну рубрику, а ведетъ отдѣльный счетъ то тѣмъ, то другимъ: по ея словамъ, великій князь отобралъ „у Юрьева монастыря... 720 *обежей*, а у Аркажа 333, а у Благовѣщенскаго 253, а у Никольскаго Нероновскаго конца 251, а у Оптонова 50 *сохъ*, а у Михайловскаго 100 *обжей* безъ трехъ; а которые села были за княземъ Васильемъ за Шуйскимъ,

¹⁾ Изданіе археогр. комиссія, т. III, стр. 12—13.

²⁾ Изслѣдованія по социальной исторіи Англии, стр. 116.

и тѣ князь велики за себя же взялъ... а въ нихъ 80 сохъ безъ двухъ". Изъ этого примѣра неподведенія обжаъ подъ сошный счетъ, даже тамъ, гдѣ это и удобно, напримѣръ, когда говорится про Аркажъ монастырь (338 обжа) или Юрьевъ (720 обжа), видно, что обжа сдѣлана третью сохи только при помощи искусственной регулировки, а отъ природы она обозначала собою болѣе мелкое хозяйство неопредѣленной величины.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію того, что такое обжа по новгородскимъ писцовымъ книгамъ, остановимся на вопросѣ о происхожденіи слова „обжа“. В. И. Сергѣевичъ думаетъ, что оно происходитъ отъ слова „обжать“¹⁾. Но намъ кажется болѣе удачнымъ объясненіе, предложенное бывшимъ новгородскимъ гласнымъ П. С. Гурьевымъ въ его брошюркѣ „О земскихъ вопросахъ“: „Подъ обжами разумѣють, говоритъ онъ, продольную часть станка сохи, именно тѣ два бруса, къ которымъ прикрѣпляются омешнице, рогачъ и матики и въ которые, какъ въ короткія оглобли, впрягается лошадь“²⁾. Составляя часть сохи, обжа легко могла быть взята для означенія собою болѣе мелкой, чѣмъ соха, хозяйственной единицы. П. С. Гурьевъ въ догадкѣ своей на этомъ не останавливается: онъ думаетъ, что цифра „три“ даетъ достаточное основаніе счесть обжу однимъ полемъ сохи, какъ полного круга трехпольнаго хозяйства³⁾. Но это предположеніе болѣе остроумно, чѣмъ вѣрно. Мы видѣли, что соха содержала въ себѣ три обжа уже въ то время, когда обѣ эти единицы были еще чисто инвентарнаго характера, еще не имѣли никакого пространственнаго, земельного значенія. При этомъ нѣтъ никакого историческаго указанія на экономическую несамостоятельность обжа. Всюду она является намъ вполне законченной и способной существовать отдѣльно хозяйственной единицей. Одинъ человекъ съ одной лошадыю, какъ извѣстно, можетъ справиться со всѣмъ кругомъ работъ надъ тремя полями⁴⁾. Въ виду этого предположеніе г. Гурьева приходится откинуть, довольствуясь его справкою изъ сельско-хозяйственной номенклатуры.

Что же такое обжа по новгородскимъ переписнымъ книгамъ начала XVI вѣка?

¹⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. С.-Пб. 1888, стр. 483.

²⁾ С.-Пб. 1879, стр. 27.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Кн. А. Васильковъ, Землевлдніе и земледіе въ Россіи и другихъ Европейскихъ государствахъ, С.-Пб. 1876, стр. 631.

Прежде всего она уже известная *земельная* единица: „а съ дву обожь доходу нѣтъ, папеть ихъ Ондрѣйко на себя“¹⁾. Повторныхъ, она единица земли обитаемой, или, какъ тогда говорилось, живущей: „деревня Микитино пуста, была обжа, деревня Литовицы, была обжа, деревня Глиноха, была обжа“²⁾. Втретьихъ, она пахотная земля: „а нынѣ въ обжы не положено того дѣля, что безъ пашни“³⁾. Наконецъ, вчетвертыхъ, обжа—*податная* единица: „на погостѣ же нетяглыхъ: дв. поль Левонтей, дв. дьякъ церковной Харитонко, сѣють ржи 4 коробьи, а сѣна косятъ 30 копенъ, а въ обжы не положены“⁴⁾. Изъ всего этого выводимъ, что обжа — податная пахотная единица. Но что ея отмѣчается? количество земли? качество земли?

Вотъ формула, типичная для разсматриваемыхъ книгъ: „Д. Заборовье...: дв. Степко Грихновъ, дв. Васко Мосѣвъ, сѣють ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, 1¹/₂ обжи“⁵⁾. Можно было бы думать, что количество посѣва и сѣнокоса создаетъ 1¹/₂ обжи. Но всего за 4 страницы передъ этимъ въ той же книгѣ читаемъ вдругъ слѣдующее: „Д. Коломово: дв. Оедотко Яхновъ, сынъ его Куземко, дв. его жъ сынъ Михайко, сѣють ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 150 копенъ, обжа“⁶⁾. Коробей ржи во второмъ случаѣ столько же, сѣна вмѣсто 40 копенъ—150, и все-таки не болѣе 1¹/₂ обжи, а даже меньше, только одна обжа. Еще болѣе рѣзкій случай мы находимъ въ той же книгѣ въ предѣлахъ одного и того же Дмитревскаго Гдитскаго погоста: въ Д. Пивы сѣють ржи 6 коробей, сѣна косятъ 30 копенъ и — 3 обжи; за двѣ деревни передъ этимъ, въ Д. Овиницы сѣють ржи 8 коробей, сѣна косятъ 40 копенъ, и всего — одна обжа. Въ второй половинѣ этой книги⁷⁾ тѣ же явленія. Въ одномъ и томъ же погостѣ Городенскомъ: Д. Гавсаръ, сѣють ржи 20, косятъ копенъ 60,

¹⁾ „Книги Вотьскіе пятини письма Дмитрія Васильевича Китаева да Никиты Губы Семенова сына Маклакова, 7008 года, вторая половина“ напечатана въ *Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн.*, кн. XI. Ее впередъ будетъ подразумѣвать ссылка: „*Врем.* XI“ (Въ данномъ случаѣ см. стр. 49).

²⁾ Писцовая книга Григорья Волосатаго 7032 года, Арх. Мин. Юст. К. 706, листъ 57.

³⁾ *Врем.*, XI, стр. 86.

⁴⁾ „Книги Вотьскіе пятини письма Дмитрія Васильевича Китаева да Николая Губы Семенова сына Маклакова, 7008 года, первая половина“, Новг. писц. кн., изд. археогр. комис., III, стр. 892; *Врем.*, XI, стр. 55.

⁵⁾ Новг. писц. кн., III, стр. 409.

⁶⁾ *Ibidem*, стр. 405.

⁷⁾ *Врем.*, XI.

обежъ 3; и недалеко: Д. Низъ на Кабанѣ, ржи 10, сѣна 40, обежъ 4. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что ни посѣвъ, ни сѣнокосъ своимъ количествомъ не обуславливали еще количества обежъ.

Повидному, не отмѣчается размѣрами обжи и достоинства почвы. Опѣнку достоинства почвы лишь нѣкоторыя писцовыя книги производятъ мимоходомъ, прибавляя къ термину „обжа“ отмѣтку, какого качества земля ¹⁾). Такимъ образомъ, трудно предположить, чтобы достоинство почвы было единственнымъ или главнымъ элементомъ, изъ-за котораго число обежъ уклонялось отъ соответствія съ количествомъ сѣмой ржи и скашиваемаго сѣна.

Изъ приведенныхъ выше цитатъ мы видѣли, что кадастровыя книги отмѣчали кромѣ количества коробей ржи и копенъ сѣна еще число дворовъ и людей. Но и эту статью хозяйства нельзя считать безусловно вліявшей на обежный счетъ. Очень часто попадаются въ книгахъ такія выраженія: „и при старомъ (то-есть, сравнительно со старой описью) прибыли два двора, человекъ, а обжа убыла“, или: „и при старомъ было полторы обжи, а прибыль дворъ, два человекъ“ ²⁾).

Если, наконецъ, ни та, ни другая изъ отмѣчаемыхъ книгами сторонъ хозяйства не вліяетъ самостоятельно на обежный счетъ, то чѣмъ же онъ руководится? Намъ кажется, что тутъ важную роль играютъ именно тѣ элементы, которые не попали подъ прямыя указанія описи. Ни одна писцовая книга XVI вѣка не отмѣчаетъ, сколько имѣется въ томъ или другомъ хозяйствѣ рабочаго скота. А между тѣмъ это—главный податной указатель въ XV вѣкѣ, и онъ непремѣнно долженъ былъ вліять на писцовъ. Кромѣ того, въ хозяйствѣ всегда есть разныя подробности, ощутительныя по достоинству только при непосредственномъ взглядѣ на нихъ и иногда играющія очень большую роль. Таковы, напримѣръ, близость рѣкъ, лѣса, большихъ дорогъ, расположеніе пахоты; сюда же, между прочимъ, относится и достоин-

¹⁾ „Да съ того же Троецкаго села четыре деревни а обежъ *десять*, а сошнаго письма три сохи и *полвосями обжи земля добра, а полторы обжи земля середня*“ (Оброчная кн. письма Ивана Григорьевича Бѣлеугова 7059 г., Арх. мин. вѣст. К. 706, л. 37). Для тѣхъ, кому можетъ быть интересно, какъ бы могла измѣняться обжа для земель разнаго сорта, позволимъ себѣ рекомендовать изслѣдованіе *А. С. Лаппо-Данилевскаго*, Организация прямаго обложения въ Московскомъ государствѣ, стр. 222 — 223, гдѣ авторъ говоритъ о московскихъ сохахъ.

²⁾ *Врем.* XI. стр. 16, стр. 53.

ство почвы и сѣнокосовъ. Писцы того времени описывали податное население и сами ихъ оброчили или клали въ обжа. Очень много сохранилось мѣстъ, свидѣтельствующихъ о значительныхъ размѣрахъ ихъ компетенціи въ этомъ направленіи. „Лѣта 7013—говорить одна писцовая книга ¹⁾—прислалъ князь великій грамоту къ дьяку своему к'Обреску Иванову сыну Микитина, а велѣлъ описати *да и оброку сложити* съ волостки, что была за Олешкомъ за Мякиннинымъ въ помѣстье, того ддя, что *писецъ* Матвѣй Валуевъ *положилъ* на тѣ деревни оброкъ тяжель и иные деревни съ того оброку запустили въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Шелоньской пятинѣ въ Сумерьскомъ погостѣ“. Изъ этого мы видимъ, что при отсутствіи въ то время однообразныхъ принциповъ обложенія, болѣе или менѣе удовлетворительныхъ, писцамъ поручалось на мѣстѣ на глазъ соображать всѣ условія налогоспособности отдѣльныхъ хозяйствъ и, запося нѣкоторыя статьи, напримѣръ, число дворовъ, людей, коробей ржи и копенъ сѣна, въ опись, остальными руководиться лишь при подведеніи подъ обожный счетъ, въ видѣ увеличенія или уменьшенія числа платежныхъ пахотныхъ единицъ. Это называлось—„положить въ обжа“. Итакъ, обжа—*податная пашня условныхъ размѣровъ*.

Въ актахъ и лѣтописяхъ, какъ мы видѣли, обжа характеризуется работой одного человѣка съ одной лошадыю. Прежде это могло быть обыкновеннымъ выраженіемъ отдѣльнаго двора, ибо рѣдко кто нанимался, а каждый старался жить своимъ дворомъ, даже если бралъ чужой инвентарь на условіяхъ—исполу, изъ трети и т. д. Новоторжская грамота регулируетъ самую распространенную форму пользованія для пашни чужою землею: „а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи“. Даже въ переписныхъ книгахъ, отмѣчающихъ болѣе позднее время, начало XVI вѣка, очень рѣдко попадаются случаи батрачества и проживанія въ дворовыхъ. Этотъ элементъ еще рѣже былъ въ XV вѣкѣ и ранѣе. Каждый тогда пахалъ самъ и, имѣя лошадь, составлялъ со своей пашней обжу. Группа двухъ или трехъ такихъ хозяйственныхъ единицъ составляла обыкновенно деревню. Впрочемъ, деревня могла состоять и изъ одного, недавно появившагося, отдѣльнаго двора. Еще Карамзинъ замѣтилъ близость и даже полное взаимное совпаденіе „деревни“, „двора“, „человѣка“

¹⁾ Книги Шелонскія пятицы дьяка Александра Обрѣска 7013 г., Арх. мин. юст., кн. 705, л. 57. См. еще о результатахъ дѣятельности писца Ондreja Клобукова, А. Э. I, № 344, и писца Григорья Слизнева, А. Э. II, № 85.

и „обжи“. „Деревня, говоритъ онъ нѣсколько неясно, означала прежде *одно* жилище крестьянское и состояла обыкновенно изъ малаго числа дворовъ“ ¹⁾). Въ подтвержденіе онъ приводитъ выписку изъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка: „Деревень по старому письму 21, а дворовъ въ нихъ 45, а людей 48, а обержъ 47“. Данныя переписныхъ книгъ, изъ которыхъ мы черпали выше цитаты, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достаточно убѣдительно подтверждаютъ то же самое. Вотъ, на примѣръ, въ какую табличку сводятся цифровыя данныя второй половины переписной книги по Вотской пятинѣ ²⁾ относительно первыхъ описанныхъ въ ней четырехъ погостовъ:

Погосты.	Дворы.	Люди.	Обжн.
Городенскій . . .	209	327	220
Ильинскій . . .	32	59	42
Пѣсотцкій . . .	66	108	78 ¹ / ₂
Теребожскій . . .	217	335	243 ¹ / ₂
	524	829	584

Совпаденіе обжи съ дворомъ, какъ видимъ, почти полное; нельзя сказать того же о числѣ людей. Въ переписной, откуда взяты эти данныя, упоминается о какомъ-то старомъ письмѣ, которое, можетъ быть, было первымъ по покореніи Новгорода; по крайней мѣрѣ, въ части этой переписной книги, изданной археографическою комиссіей, старое письмо, повидимому, отождествлено съ „первымъ“ ³⁾). Данныя этого „письма“, выведенныя изъ той же переписной, слѣдующимъ образомъ располагаются около тѣхъ же погостовъ:

Погосты.	Дворы.	Люди.	Обжн.
Городенскій . . .	191	324	245
Ильинскій . . .	31	52	40
Пѣсотцкій . . .	57	102	65
Теребожскій . . .	170	322	256
	449	800	606

¹⁾ Ист. Гос. Рос., V, прим. 103.

²⁾ *Врем.*, XI.

³⁾ Т. III, стр. 891: „а дохода нѣтъ, сѣдятъ на льготѣ, а сѣли послѣ *первое* письма“. Трудно допустить, что „первое“ сказано тутъ не вмѣсто стараго, ибо врядъ-ли льгота могла пережить двѣ описи, изъ которыхъ одна заслужила названіе „стаорій“.

Сравнивая цифры обѣихъ описей, мы видимъ, что въ новой сравнительно со старою больше людей и дворовъ и меньше обжаѣ. Такое тяжелое для стараго письма обложение, кажется намъ, вызвано недавнимъ присоединеніемъ Новгорода къ Московскимъ землямъ, присоединеніемъ, вѣроятно, повлекшимъ за собою нѣкоторую сравнительную суровость въ окладчикахъ относительно только-что бывшаго враждебнымъ населенія. Поэтому противорѣчіе тому, что мы ожидали встрѣтить въ болѣе старомъ письмѣ, не можетъ помѣшать установленію факта чрезвычайной близости обжи и двора.

Теперь спрашивается: почему же не дворъ характеризуетъ обжу, а длинная фраза, кто на сколькихъ лошадахъ ореть? Намъ кажется, вопервыхъ, именно потому, что дворъ и обжа были одно и то же, а вовторыхъ потому, что дворъ самъ нуждался въ установленіи нормы. Въ XVII вѣкѣ, когда дворъ былъ принятъ за единицу податнаго обложения, произошло такое скучиваніе въ немъ рабочихъ рукъ, что эту единицу пришлось поскорѣе упразднить. И мы видѣли, что въ XV вѣкѣ были земледѣльческія единицы съ болѣе крупнымъ и интенсивнымъ хозяйствомъ, излишекъ доходности которыхъ надъ мелкой единицей остался бы неуловимъ для окладчиковъ, еслибы вмѣсто подворнаго не прибѣгли къ налогу на рабочій скотъ. Въ XVI вѣкѣ еще прорываются отголоски прежняго тождества обжи и двора. Важская грамота 1552 года приравниваетъ цѣнность обжи къ посадскому двору; „а дворъ посадскій — говоритъ она — *противу обжи, а обжа противу посадскаго двора* разметомъ въ намѣстничъ оброкъ равна“¹⁾). Такое опредѣленіе кажется намъ отголоскомъ того далекаго времени, когда обжа была, можетъ быть, названіемъ одного крестьянскаго двора, а соха—деревни, то-есть, связанной кровнымъ родствомъ группы дворовъ. Принадлежа къ такому единому цѣлому, дворъ и получилъ наименованіе части орудія, не имѣющее самостоятельнаго бытія. Деревня же называлась сохою вслѣдствіе, такъ сказать, исторической инертности, сохранивъ за собою наименованіе характернаго признака, которымъ очерчивались размѣры ея дѣятельности въ ту еще пору, когда она была однодворнымъ, только-что возникшимъ поселкомъ.

Не настаивая на доказанности высказанной гипотезы и считая ее только болѣе или менѣе вѣроятною, подведемъ итоги сказанному.

¹⁾ А. Э. I, № 234.

По даннымъ первыхъ ¹⁾ переписныхъ и писцовыхъ книгъ, обжа, какъ мы видѣли, была податной подоходной пахотной единицей. Прежде, по аграрнымъ условіямъ того времени, она совпадала съ личнымъ и подворнымъ хозяйствомъ; но ко времени первыхъ кадастровыхъ книгъ стала расходиться съ тѣмъ и другимъ. Переставъ быть показателемъ живой рабочей силы въ хозяйствѣ, она стала пахотной единицей, размѣры которой колебались въ зависимости отъ общихъ условій урожайности, начиная инвентаремъ и кончая, можетъ быть, качествомъ почвы.

Около половины XVI вѣка обжа дѣлается исключительно земельною единицей опредѣленныхъ размѣровъ. Она заключаетъ въ себя опредѣленное количество московскихъ четвертей и ничего больше. Характеръ этой реформы былъ чисто московскій, хотя матеріалъ и форма были почерпнуты изъ новгородской бытовой жизни. Московская „четверть“, когда мы съ нею впервые знакомимся, является въ сознаніи писцовъ уже безъ признаковъ своего посѣвного значенія, а только какъ податная пространственная единица. Но „коробья“ новгородская еще помнитъ свое происхожденіе. Это кладетъ на новгородскія описи, въ отличіе отъ чисто московскихъ, любопытный отпечатокъ, который слѣдуетъ отмѣтить.

Велкій, кто хоть немного знакомъ съ деталями нашего полевого хозяйства, знаетъ, что при опредѣленномъ сѣвооборотѣ количества хлѣбовъ находятся между собой въ опредѣленномъ соотношеніи, такъ что достаточно означить, сколько сѣется хозяиномъ такого-то хлѣба, чтобы указать, сколько сѣется имъ и остальнаго. Обыкновенно такимъ показателемъ для всякихъ хлѣбовъ у насъ въ Россіи была рожь. Въ новгородскихъ писцовыхъ оброчныхъ книгахъ описъ каждой группы дворовъ заключается указаніемъ, сколько хозяева сѣютъ коробей ржи. Такъ какъ въ оброкъ помѣщику поступаетъ обыкновенно и овесъ и ячмень, то посѣвъ этихъ хлѣбовъ въ описываемыхъ хозяйствахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ при описаніи пашни имѣлось въ виду количество четвертей только въ одномъ полѣ, при чемъ прибавлялось „а въ дву потому-жъ“. Можно думать, что имѣлось въ виду именно ржаное поле, потому что, напримѣръ, крестьяне Тотемскаго уѣзда били однажды челомъ государю на писца Фоку Дурова въ томъ, что онъ писалъ четверть, не соотвѣт-

¹⁾ Первой половиною XVI вѣка.

ствующую четверти „ржаного сѣва“¹⁾. (Кадастры земель, предпринятые во второй половинѣ текущаго столѣтія рязанскимъ и нижегородскимъ земствами, точно также брали рожь нормою и къ ней приводили другіе хлѣба, при чемъ рязанское земство въ 1861—1863 гг. не стѣснилось для однообразія въ расчетахъ выразить въ четверикахъ ржи доходъ отъ сѣнокосовъ, садовъ, даже географическаго мѣстоположенія—„на основаніи особой нормальной классификаціи“²⁾). Такимъ образомъ несомнѣнно, что четвертью называлось пространство, засѣваемое четвертью самаго насущнаго изъ хлѣбовъ—ржи. Количество сѣва, приходившееся на другое поле, легко было находимо, ибо оно тѣснѣйшимъ образомъ зависѣло отъ количества ржи. Такъ, на примѣръ, въ XVII в. монастырь сѣялъ на свою десятину 2 четверти ржи или 4 чети овса³⁾. Теперь же нормальнымъ считается сѣять на десятину 6 четвериковъ 2 гарнца ржи, или 12 четвериковъ 2 гарнца овса⁴⁾. Какъ видимъ, измѣнилось количество и ржи и овса, сѣемое на извѣстномъ клочкѣ земли, но ихъ взаимное количественное отношеніе осталось точь въ точь прежнее.

Итакъ рожь служила указателемъ количества и другихъ высѣваемыхъ хлѣбовъ. Почему же въ первыхъ новгородскихъ книгахъ, при несомнѣнномъ трехпольномъ хозяйствѣ, нѣтъ указаній: „а въ дву потому жъ“, сплошь характеризующихъ каждый шагъ московскаго кадастра? Думается, именно потому, что „а въ дву *не* потому жъ“. То равенство, которое можно установить для *полей*, для *земли* въ трехпольномъ хозяйствѣ, совершенно не подходитъ къ *посѣву*. Ржи сѣется не столько, сколько овса и ячменя, а овса и ячменя не столько,

¹⁾ А. Лялю-Данилевскій, Организация примаго обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 221, прим. 2 (Ibidem: „И. Румовскій, Описание Велико-Устюжскаго собора, прил. № 12: Въ 1661 году устюжанинъ посадскій человекъ продаетъ собору пашню, размѣры которой опредѣляютъ количествомъ высѣяннаго хлѣба“).

²⁾ В. В. Докучаевъ, Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи, вып. I, стр. 25.

³⁾ А. Э. III, № 217. Ср. еще А. Э. I, № 258: „а пашню пахати на монастырь въ сѣль въ Николскомъ, а сѣяти сѣмена монастырскими, съ выги по четверти ржи да по дѣть четверти овса“. Засѣвалась, слѣдовательно, всего десятина, половина рожью, половина овсомъ.

⁴⁾ Г. Д. Щербачевъ, Краткій очеркъ теоріи и практики сельскаго хозяйства. 1886 г., стр. 159. П. С. Гурьевъ, О земскихъ вопросахъ, С.-Пб. 1879, стр. 32: „яровой посѣвъ намъ также болѣе или менѣе становится извѣстнымъ, по постоянному его отношенію къ озимому посѣву, какъ 2 : 1“.

сколько пшеницы. Всѣ эти хлѣба находятся между собой въ соотвѣтствіи, опредѣленномъ и извѣстномъ приблизительно всякому хозяину, но не въ равенствѣ. Поэтому-то новгородскія описи, рядомъ съ указаніями, кто сколько сѣетъ ржи, умалчиваютъ, сколько сѣется остальнаго хлѣба. затрудняясь коротко это выразить и подразумевая это хорошо извѣстнымъ всякому хозяину. Фактъ появленія въ описяхъ выраженія „а въ дву потому жъ“ свидѣтельствуетъ о смѣнѣ посѣвнаго значенія пространственнымъ. Въ новгородскихъ описяхъ была уже переходная стадія. Попадаются вмѣсто старыхъ выраженій: „сѣетъ столько то коробей ржи“—новыя: „пашни коробей ржи столько-то“, но прибавки „а въ дву потому жъ“ еще нѣтъ. Уже связывая съ представленіемъ о коробѣ представленіе о земельномъ пространствѣ, продолжали еще видѣть въ ней указаніе и посѣва. Во всякомъ случаѣ, коробья, кажется, не дожила до окончательной утраты посѣвнаго значенія. Еще въ 1552 году писецъ Бѣлеутовъ писалъ „а сѣютъ ржи коробей столько-то“¹⁾. Но позже 1556 года коробья почти уже не встрѣчается въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ: ее почти всюду замѣнила московская „четверть“, единица опредѣленныхъ пространственныхъ размѣровъ. Этотъ фактъ исчезновенія коробки въ новгородскихъ книгахъ, вѣроятно, имѣетъ связь съ однимъ указомъ 1556 г. новгородскимъ дьякамъ о замѣнѣ старой мѣры, коробья, новой, четвертью, при отпускѣ хлѣбнаго жалованья новгородскому служилому люду²⁾.

Одновременно съ этимъ вытѣсненіемъ коробки четвертью обжа превращается въ опредѣленную земельную мѣру. Вотъ сколько приходится коробей ржи на обжу по переписнымъ окладнымъ Вотьской пятины 1500 года³⁾:

¹⁾ Арх. мин. юст., вл. 706.

²⁾ Въ грамотѣ новгородскимъ дьякамъ Федору Еремѣеву да Казарину Дубровскому (отъ января 7064 г.) говорится: „а хлѣба бо есте имъ (пичальникамъ, воротникамъ и т. под.) велѣли въ Новомъ Городѣ на Невгѣ давати по двѣнадцати четвертей ржи, по двѣнадцати четвертей овса человѣку, *съ новую мѣру, а не коробьями*, а не будетъ хлѣба, и вы бы дали деньгами по тамошней цѣнѣ, *за четверть за новую жъ мѣру, а не за коробью*, да и впередъ бы есте имъ давали хлѣбъ въ новую мѣру *съ четверть, а не коробьями*; а будетъ оны у вась тотъ хлѣбъ по двѣнадцати коробей ржи, по двѣнадцати коробей овса на человѣка взяли, и вы бѣ, счетчи въ новую мѣру въ четверть, за ними хлѣба оставили, а что лишка имъ *смыло* за новую мѣрою за четвертью, и вы бѣ тотъ хлѣбъ на нихъ доправили“ (Дополн. къ Акт. Ист. I № 90, 3).

³⁾ Новг. писц. кн., изд. археогр. комм., т. III; *Врем.*, XI.

Погосты.	Коробыя ржи.	Обжн.
Дмитревскій Гдѣтцкій	242	71 ¹ / ₂
Городенскій	813	220
Ильинскій	159	42
Пѣсоцкій	309	78 ¹ / ₂
Торобожьскій	765	243 ¹ / ₂

Какъ видимъ, обжѣ соотвѣтствуютъ приблизительно 3¹/₂ коробыя ржи. Бѣляевъ¹⁾ приводитъ мѣсто изъ одной писцовой новгородской. въ которой коробыя приравнена къ двумъ четвертямъ. Слѣдовательно, въ Вотской пятинѣ обжа соотвѣтствовала приблизительно 7 четвертямъ ржаного сѣва. Такъ какъ количество сѣмаго хлѣба въ книгахъ 1500 года было лишь однимъ изъ элементовъ, но отнюдь не единственнымъ, входившимъ въ составъ податной обжи, то когда пришлось совокупность податныхъ статей ея примѣрно перевести на почву посѣва, то и образовалась круглая цифра 10, ставшая казенной величиной земельной обжи. Это произошло около 1555—1556 гг. Въ 1555 г. Иванъ IV даритъ одному новгородскому служилому человѣку въ помѣстье 10¹/₂ обержъ, за которыя тотъ прѣхалъ „на конѣ да съ нимъ человѣкъ на меринцѣ“²⁾. Въ Москвѣ же въ это время было такое отношеніе военной службы къ помѣстью: „со ста четвертей добрыя угодія земли человѣкъ на конѣ и въ dospѣхѣ полномъ, а въ дальній путь объ дву конѣ“³⁾. Кажется, говорится тутъ объ одно-разрядныхъ служилыхъ людяхъ и 10¹/₂ обержъ приблизительно замѣняются 100 четвертями⁴⁾.

Итакъ, время превращенія обжи въ земельную мѣру совпадаетъ со временемъ земскихъ реформъ Ивана IV. Прежде жители разныхъ областей платили намѣстнику и волостелю за судъ; въ половинѣ XVI вѣка одна область за другою стали весьма энергично откупаться отъ нихъ, платя уже за освобожденіе отъ суда. Сначала Вага въ 1552 г. уплатила за свою свободу 1500 рублей⁵⁾; затѣмъ Устюгъ

¹⁾ О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ (*Врем.* XI, стр. 64).

²⁾ Доп. къ Авт. Ист. I, № 52, 3.

³⁾ Никоновская лѣтопись подъ 1556 г.; см. *Бѣляевъ*, О доходахъ Моск. государства (*Ист. М. О. И. Д.*, 1885, IV, стр. 70).

⁴⁾ Въ Дополн. къ Авт. Ист., т. I, № 52, помѣщено много грамотъ помѣстныхъ, относящихся къ 1555—1556 гг. и трактующихъ объ обжахъ, какъ объ определенныхъ земельныхъ мѣрахъ.

⁵⁾ А. Э. I, № 234.

вызвался вносить въ казну 318 р. съ алтынами¹⁾. Почти одновременно съ нимъ Переяславская область приняла налогъ въ 28 руб. на каждую соху²⁾, и наконецъ, въ 1556 году къ нимъ присоединилась Двинская земля, взявшись платить по 20 руб. съ сохи³⁾. Правительство, „жалючи крестьянство“, предоставило ему самому судиться и самому собирать царскія подати,—отъ себя назначая только сумму. Оно посылало собственныхъ чиновниковъ лишь для описи области и такъ какъ само уже мало принимало участія во внутреннихъ распоряжкахъ, то постепенно прибѣгло къ упрощенію способовъ узнавать палогоспособность мѣстныхъ жителей. Предписывалъ жителямъ разверстываться между собою „по промыслѣ и животомъ“, оно съ своей стороны избрало самую замѣтную и по его мнѣнію центральную сторону дохода, пашню, размѣрами которой и руководилось при обложеніи податными земледѣльческаго класса. Можетъ быть, въ виду этого обжа сразу и потеряла свой прежній характеръ оцѣнки „животовъ и промысловъ“.

Въ своей новой роли она служила для измѣренія податной пашни всякаго качества и разряда, нисколько не мѣняя своей величины. Мы уже видѣли, что хотя прежде оцѣнка достоинства земли не входила въ содержаніе понятія обжи, но обозначалась тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ. Точно также и послѣ реформы различали „лучшія“ и „худыя“ обжи. Въ помѣстныхъ грамотахъ Ивана IV рекомендуется „беречь накрѣпко, чтобъ однолично живущими на пустые обжи и худыми на лучшіе обжи, падачи для, не мѣпля“⁴⁾. Одинакова же была мѣра обжи для разныхъ родовъ владѣнія. „Мы находимъ—говоря словами Бѣляева⁵⁾—общую мѣру обжи по 10 четвертей для всѣхъ земель, и черныхъ и вотчинныхъ и дворцовыхъ и помѣстныхъ“⁶⁾. Благодаря этой неизмѣнности своей величины для разныхъ свойствъ почвъ и разныхъ родовъ владѣнія, обжа, не смотря на свой составной характеръ, продолжала рассматриваться какъ простѣйшая единица сошнаго счета на сѣверѣ.

Въ XVI вѣка обжа дѣйствовала на всемъ сѣверѣ тогдашней Руси. Но съ начала XVII в. — не ясно, вслѣдствіе какихъ ея свойствъ,—она

¹⁾ А. Э. I, № 243.

²⁾ А. Э. I, № 242.

³⁾ А. Э. I, № 250.

⁴⁾ Доп. въ А. Н. I, № 52.

⁵⁾ О доходахъ Московскаго государства, стр. 111.

⁶⁾ И монастырскихъ, прибавимъ мы, сославшись на А. Н. V, № 151.

постепенно исчезаетъ, начиная съ южной стороны своего района. Ея роль измѣренія живущей пашни переходитъ къ другой единицѣ, чисто московской,—выти, которая, переселяясь на новую почву, приобрѣла всѣ свойства своей предшественницы. Выть на сѣверѣ стала величиной въ 10 четвертей въ полѣ, „а въ дву потому жъ“. Обжѣ осталось измѣрять только порожнія земли. Писцовая книга по Новгороду 1646 г. въ предисловіи обѣщаетъ перечислить „сколько по писцовымъ и по дозорнымъ книгамъ въ тѣхъ пустошахъ сыскано четей и вытнаго числа“¹⁾. И что же слѣдуетъ? сначала—пустыя земли съ обожнымъ счетомъ приблизительно въ такомъ видѣ; пустошь — 30 четвертей, 60 копенъ — 3 обжи; пустошь — 10 четвертей — обжа; пустошь — 15 четв.—20 коп., 1¹/₂ обжи, и т. д. Дальше²⁾ обожное число вдругъ прерывается вытнымъ и въ такомъ видѣ: „...а в нихъ четвертные пашни пятнадцать четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, полторы выти“, „тридцать четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, три выти“. Такимъ образомъ обжи и выти равны³⁾. Такое выступленіе выти въ роли обжи произошло, кажется, вслѣдъ за смутнымъ временемъ, послѣ всеобщей перетряски различныхъ областныхъ элементовъ. Въ концѣ XVII в. обжа попадаетъ какъ рѣдкое исключеніе.

Раскрывъ исторію понятія обжи, обратимся теперь къ тѣмъ задачамъ, которыя осуществлялись ея податной ролью. Изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ налоговъ, падавшихъ на обжу, выяснится вопросъ: только ли въ государственной сферѣ она дѣйствовала, или также и въ частно-хозяйственной.

„Обожной данью“ въ первыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ называется ключничья пошлина, то-есть, взимаемая экономомъ помѣщика съ крестьянъ. Съ обожъ также взимались хлѣбныя и денежные подати помѣщика. Вотъ довольно обычная формула ихъ: „а изъ хлѣба съ 7 обожъ четверть, а съ 2 обожъ треть, а зъ 2 обожъ пятину, а обжа оброчная, а съ 33 обожъ хлѣба поспомъ“⁴⁾... Въ этой формулѣ соединились всѣ виды дохода помѣщика съ пользовавшихся его зем-

1) Арх. мин. ин. дѣлъ, Новгородъ, 1646, № 82, л. 44.

2) Ibidem, съ л. 279.

3) Въ сборникахъ актовъ можно найти нѣсколько примѣровъ тому, что обжа уступила мѣсто выти въ области „живущаго“ и сохранила за собою только „пусто“, напр. „...деревню Милославскимъ, а въ ней три выти безъ трети выти, да пустошью Дубровномъ, а въ ней обжа“ (А. И., т. III, № 191, г. 7144).

4) Новг. писц. кн., изд. арх. ком., III, стр. 349.

лей крестьянъ: и доля въ урожаѣ, и независимое отъ урожая опредѣленное количество хлѣба „поспомъ“, и денежный оброкъ. Все это взималось съ обожъ. Развившаяся впоследствии цѣлая сѣтъ разныхъ мелкихъ повинностей въ пользу владѣльца тоже обращалась на обжу. Съ Заболоцкихъ волостей въ казну Софійскаго собора шло оброку „за сѣнные покосы, и за зимнюю сѣнную возку, и за пятинный ленъ, за грибы и за рыжики и за ягоды сто рублей; и тѣ деньги собираются съ Заболотцкихъ волостей со крестьянъ съ обжи по рублю по тридцати алтынъ по четыре деньги, да съ обжи же во Софійскую казну, по 4 гривенки масла коровья да по 20 по 4 яйца“¹⁾... Ярко опредѣленный частно-хозяйственный характеръ податей, лежавшихъ на обжѣ, позволилъ Бѣляеву по произволу замѣнять ее вытью²⁾, то-есть отождествлять обжу съ этой московской единицей чисто частно-хозяйственного характера. Но не забудемъ, что рядомъ съ оброкомъ и другими помѣщичьими поборами съ обжи взимались государственныя подати. Въ одной уставной монастырской грамотѣ говорится: „А придетъ по *государствѣ* царевѣ грамотѣ: платить *приметь, обжашныя деньги*, и вы бы, земскіе люди, платили по *обжамъ*“³⁾... Одинъ сборщикъ, Юшко Митрофановъ, даетъ росписку въ томъ, что взялъ въ 1548 г. „у Спасскаго игумена, у Эуфимія съ братією, съ обжи безъ четверти дань, и горносталяныя деньги, и ямскія, и за данью въ подъячего поминокъ, и въ московскій покрутъ, и кормъ Великоднейной и Петровской, все сполна“⁴⁾... Какъ видимъ, перечислены почти всѣ государственныя поборы. Въ жалованной несудимой грамотѣ 1597 г. Введенскому на р. Ояти монастырю перечисляются въ видѣ обожной дани почти всѣ посошныя подати, и ратчина и посошный кормъ⁵⁾.

Такимъ образомъ, обжа вращалась въ обѣихъ сферахъ, частно-хозяйственной и государственно-податной. Дифференціація роли, отмѣченная въ извѣстномъ трудѣ г. Лаппо-Данилевскаго⁶⁾ относительно московскихъ единицъ земельного обложенія, сохи и выти, не коснулась новгородской обжи ни одною стороною. Соха стала исклю-

¹⁾ А. до юр. б. отп., II, № 128.

²⁾ О доходахъ Московскаго государства, стр. 111.

³⁾ А. Э. I, № 268.

⁴⁾ А. Ю., № 209, 1.

⁵⁾ Доп. къ А. II, I, № 141.

⁶⁾ Организация прямого обложенія въ Моск. государствѣ.

чительно государственною податною единицей, выть—частно-хозяйственною; обжа инертно осталась и той и другой. Соха и выть изменялись, суживаясь для хорошей земли и расширяясь для худой, обжа не мѣня своихъ количественныхъ размѣровъ, принимала, если нужно, добавленія, какого сорта земля. Соха изменялась въ зависимости отъ того, на земляхъ какого сословія она была примѣняема; какъ мы видѣли, обжа оставалась неизмѣнною и въ церковныхъ, и въ помѣщичьихъ, и въ крестьянскихъ владѣніяхъ. Дифференціация ролей и размѣровъ московскихъ податныхъ единицъ составляетъ контрастъ косному пребыванію обжи въ ея первоначальной неразвитой формѣ. Этотъ фактъ вмѣстѣ съ вытѣсненіемъ обжи вытью является слѣдствіемъ сосредоточенія политической жизни въ Москвѣ и торжества московскаго начала надъ новгородскимъ.

В. Владиславлевъ.